

Ужин давно был готов, а Фан Цзычэня и Гуай-цзая всё не было. Чжао-гэр отправился на поиски и застал их у реки в самый разгар веселья.

— Вы всё еще купаетесь? А ну-ка выходите немедленно, не ровён час простудитесь!

Животик Гуай-цзая стал ледяным, а губы посинели от холода — малыш весь продрог, точно сосулька. Чжао-гэр поспешил насухо вытереть и одеть его, но мальчик, уходя, то и дело с тоской оглядывался на воду. Заметив это, папа невольно улыбнулся:

— Тебе так понравилось?

— Понлавилось, — ребенок крепко вцепился в ладонь Фан Цзычэня и едва слышно добавил: — Отец, Гуай-цзай хочет пlying еще лаз.

Он всегда так говорил. Так было и в тот день, когда они пускали змея — Фан Цзычэнь с тех пор ни разу не брал его с собой, но сын ни разу не капризничал. Бумажная ласточка всё так же висела на стене, и Гуай-цзай каждое утро провожал её жадным взглядом. Он ничего не забыл, просто не хотел обременять родителей просьбами. Несмотря на свои три года, он был настолько смышлёным и покладистым, что сердце сжималось от жалости.

— Хорошо. Завтра, как только вернусь с работы, сразу пойдём на реку.

— Хорошо!

Дома Чжао-гэр принялся за рыбу. Сначала он обжарил её до золотистой корочки, затем добавил чеснок, острый перец и кислые бобы. Перед тем как подавать на стол, посыпал сверху горстью мелко нарезанного лука и листьями периллы. Аромат стоял такой, что слюнки текли.

Рыба получилась отменной: никакого неприятного запаха, косточки прожарились так, что хрустели на зубах, а соус пропитал каждое волокно мякоти. Кисло-острый вкус отдаленно напоминал знаменитую рыбу с квашеной капустой. Гуай-цзай и Фан Цзычэнь, прищуриив от удовольствия глаза с абсолютно одинаковым выражением лиц, отправляли в рот кусок за куском. Вскоре огромная тарелка опустела.

Видя, с каким аппетитом ест муж, Чжао-гэр окончательно успокоился.

После ужина малыш, наевшийся до отвала, растянулся на коленях отца. Фан Цзычэнь принялся мягко массировать его круглый животик. Мальчик довольно зажмурился и приоткрыл розовый ротик, став похожим на разомлевшего котенка.

Глядя на это нежное, хрупкое создание, Фан Цзычэнь невольно задумался. Сын рос слишком уж мягким и ласковым.

«Настоящий мужчина должен быть кремнем, — рассуждал он про себя. — Чтобы от одного взгляда на него девицы и гэры в краску впадали, как от меня. Подрастет — обязательно научу его мужским делам»

На следующий день после полудня Чжао-гэр вместе с сыном отправился на поле семьи Чжоу — помочь с прополкой кукурузы. Тётушка Лю выглядела непривычно хмурой и озабоченной.

Приближалась осенняя жатва, а её муж всё еще лежал с переломанной ногой. Вряд ли он поправится в ближайшие месяцы. Их семья была из пришлых, и надел им выделили на самом отшибе, далеко от дома. Обычно урожай на себе таскал дядя Лю, а тётушка, будучи слабой здоровьем, занималась лишь легкой работой. Теперь вся тяжесть ложилась на плечи Чжоу-гэра.

Как ни крути, а сил у гэра меньше, чем у ханьцзы. И хотя Чжоу-гэр был лишь зятем, за эти годы он стал тётушке Лю роднее сына, и она всем сердцем сопереживала его нелёгкой доле.

Ближе к вечеру Гуай-цзай подал голос:

— Папочка, уже темнеет. Пойдём готовить ужин и ждать отца.

— Сегодня поужинаете у нас, — отозвался Чжоу-гэр.

Чжао-гэр сегодня знатно помог им в поле, и оставить приятеля без угощения было бы верхом неблагодарности. Раньше, когда в доме из еды были одни овощи, Чжоу-гэр не решался звать гостей, но сегодня тётушка Лю специально велела купить мяса. Позвать Фан Цзычэня к такому столу было не стыдно. Супруг, понимая это, не стал отказываться.

Раз готовить было не нужно, спешить домой тоже не стоило. Малыш, казалось, немного приуныл. Сложив в кучку выкопанную дикую зелень, он уселся под деревом, безучастно глядя перед собой. Даже когда Лю-лю пытался заговорить с ним, мальчик отвечал вяло и неохотно.

Заметив это, Чжоу-гэр обеспокоился:

— Что это с ним? Неужто на солнце перегрелся?

— Да нет, — уверенно ответил Чжао-гэр. — Просто по отцу соскучился.

Чжоу-гэр рассмеялся:

— И дня не прошло, а он уже так тоскует. Родные дети — и те не всегда так привязаны.

Чжао-гэр на миг замер, сжимая в руке серп. Его собеседник, не заметив этого замешательства, продолжал:

— Впрочем, Цзычэнь к нему и впрямь относится как к родному. Неудивительно, что мальчишка от него ни на шаг.

В народе говорят: помяни дьявола — и он тут же явится. Не успел Чжоу-гэр договорить, как издали донесся голос Фан Цзычэня:

— Чжао-гэр! Гуай-цзай! Сынок, вы где?

Ушки Гуай-цзая смешно дернулись. От былой меланхолии не осталось и следа: он вскочил и со всех ног помчался вниз по склону:

— Отец! Гуай-цзай здесь! Я здесь!

Фан Цзычэнь, стоя на дороге, не сразу разглядел сына в высокой траве, но вскоре заметил забавный хохолок на макушке, стремительно приближающийся к нему. Эту «пальмочку» он сам заплел утром — такой прически не было больше ни у кого в деревне. Малыш, в силу возраста не смысливший в моде, был в полном восторге от своего вида, хотя Чжао-гэр поначалу даже стеснялся выводить его на люди, а Чжоу-гэр и тётушка Лю при виде мальчика едва не лопались от смеха.

Гуай-цзай с разбегу запрыгнул отцу на руки.

— Отец, почему ты пришел так рано?

Цзычэнь крепко прижал его к себе и вытер пот с его личика:

— Отец всегда держит слово. Обещал вчера, что пойдем купаться, вот и пришел! Соскучился по мне?

Глаза сына так и сияли. Он принялся нежно тереться щечкой об отцовскую щеку, а потом вытянул губки и начал осыпать его поцелуями:

— Соскучился! Очень-очень! Прямо голова лопается, как скучал!

«Ну и фантазер», — подумал Чжао-гэр, едва сдерживая смех.

Следом за другом прибежал Лю-лю, глядя на них с нескрываемой надеждой. Гуай-цзай уже успел расписать ему все прелести вчерашнего купания. Лю-лю тоже обожал воду, но тётушка Лю и Чжоу-гэр вечно были заняты, да и плавать не умели, а потому строго-настрога запрещали ему приближаться к реке. В деревне еще помнили случай, когда ребенок утонул в половодье, так что летом берег реки был для малышни закрытой зоной.

Фан Цзычэнь подхватил на вторую руку и Лю-лю:

— Что, Лю-лю тоже хочет с нами?

Мальчик восторженно закивал:

— Очень хочу!

— Тогда спроси разрешения у своего папочки. Если он позволит — возьму тебя с собой.

Голос Чжоу-гэра донесся из кукурузных зарослей:

— Забирай их, пусть поплещутся.

Дети всё равно весь день провозились в пыли и траве, наверняка всё тело чешется. Исккупаться перед ужином — самое милое дело, а уж Фан Цзычэню Чжоу-гэр доверял целиком и полностью.

Удерживая обоих сорванцов, Цзычэнь с нарочитой заботой крикнул в сторону супруга:

— Чжао-гэр, может, тебе помочь с чем?

На самом деле работать ему не хотелось вовсе — душа рвалась к воде, но нужно было поддержать образ заботливого мужа. Не давая Чжао-гэру и шанса ответить, он тут же добавил:

— Раз помощи не нужно, тогда мы пошли!

Чжао-гэр лишь безмолвно покачал головой.

За двумя детьми в воде уследить непросто, поэтому Фан Цзычэнь заскочил домой за большим

деревянным тазом, в котором обычно мылись. После чего, точно горделивая наседка, ведущая цыплят, зашагал к реке. Гуай-цзай, уже и не надеявшийся на продолжение вчерашнего веселья, от нетерпения сжал кулачки. Стоило им оказаться на берегу, как он, не дожидаясь команды, мигом скинул с себя всё лишнее.

Фан Цзычэнь усадил обоих сорванцов в таз и отбуксировал его на самую середину реки. Учить детей плавать безопаснее на мелководе, но там дно илистое и заросшее травой — стоит один раз наступить, и прозрачная вода превращается в мутную жижу. А в тазу, точно в настоящей лодке, мальчишкам было невероятно весело.

Цзычэнь занимался с ними по очереди. Пока он учил Лю-лю, Гуай-цзай сидел в тазу, точь-в-точь маленький Будда на лотосе.

Приходилось признать, что тот подлец, который когда-то обесчестил Чжао-гэра, обладал неплохой породой. Гуай-цзай был не только очарователен, но и на редкость умен и отважен. Он схватывал всё на лету: задерживал дыхание и повторял движения в точности так, как показывал отец.

Когда наступал черед Лю-лю, Гуай-цзай перевешивался через край таза, наблюдая за ними. Его голая белая попка так и мелькала на солнце, напоминая пышную паровую булочку.

Когда дети притомились, Цзычэнь просто катал их в тазу по воде, толкая его туда-сюда. Звонкий, заразительный смех мальчишек разносился по всей округе, и Фан Цзычэнь старался еще больше.

— Отец, ты такой сильный! Еще быстрее! Мы сейчас взлетим!

— Дядя, как здорово!

Помнив о приглашении на ужин, Цзычэнь привел детей домой, передел в чистое и, прихватив купленную накануне рыбу, направился к дому тётушки Лю.

По пути им встретилось несколько односельчан. Теперь, когда все знали, что Цзычэнь работает в самой «Башне Пьяной Ночи», на него смотрели совсем иначе. В их взглядах читалось любопытство и невольное уважение: не каждый в такие годы добивается подобного успеха.

— Паренёк Фан, никак с работы вернулся? — окликнул его кто-то.

— Да, — отозвался Цзычэнь. Перед ним была женщина лет тридцати, чьего имени он не помнил, но раз уж она заговорила первой, вежливость требовала ответа. — А вы, сестрица, уже поужинали?

Женщина, кажется, не ожидала, что такой «важный человек» снизойдет до разговора с простой крестьянкой. Она просияла:

— Еще нет, только с поля иду. Куда это ты рыбу несешь?

— К тётушке Лю, — ответил Фан Цзычэнь.

О дружбе Чжао-гэра с семьей Лю знали все.

— Тогда ступай, ступай. Рыбе без воды долго не прожить, а свежая она куда вкуснее!

Когда он скрылся из виду, кто-то со вздохом заметил:

— Повезло же Лю, что Чжао-гэр к ним так привязан.

— Да какое тут везение? Деньги-то Фан зарабатывает, неужто он ими с Лю делиться будет?

— Эх вы, бабы, волосы длинные, да ум короток! «Башня Пьяной Ночи» — это вам не забегаловка какая. Там такие люди бывают! Фан там счета ведет, со временем связями обрстет. Случись что у Лю — неужто он, ради Чжао-гэра, за них слово не замолвит?

— Твоя правда. С хорошим заступником и беда не страшна.

Дядя Лю сидел во дворе и, преодолевая боль, плел корзины. С такой травмой ему бы лежать и отдыхать, но человек, всю жизнь привыкший к труду, просто не мог сидеть без дела.

Сегодня они специально купили в городе два цзиня жирной грудинки. Тётушка Хэ уже нарезала её и тушила с капустой. Увидев рыбу в руках Цзычэня, она замахала руками: мол, у них и так мяса вдоволь, пусть оставит рыбу себе на завтра. Но Цзычэнь настоял на своем: рыба, мол, уже едва живая, до завтра не дотянет, пусть готовит сейчас — на всех хватит.

Впрочем, кулинарные таланты тётушки Лю оставляли желать лучшего. Когда вернулся Чжао-гэр и все сели за стол, Фан Цзычэнь смог съесть лишь пару кусочков рыбы — она нещадно отдавала тиной.

Остальные уплетали угощение за обе щеки. Чжао-гэр промолчал, но за время совместной жизни он успел изучить все пристрастия мужа и его исключительную привередливость в еде. Он выбрал из общего блюда кусочек грудинки попостнее и положил Цзычэню в миску:

— Съешь немного, тут почти одно мясо.

Фан Цзычэнь:

«...»

«Где же тут мясо? Кусок сала, белый и округлый, точь-в-точь как попка Гуай-цзая, и это называется „не жирно“?»

Он усмехнулся и под столом бесстыдно задел ногой ногу Чжао-гэра, после чего не отстранился, а плотно прижался к нему всем бедром.

Рука Чжао-гэра дрогнула, он едва не выронил лист капусты из палочек. Чжоу-гэр, случайно взглянув на него, удивленно спросил:

— Чжао-гэр, тебе нехорошо? Что ты так внезапно покраснел?

Чжао-гэр:

— ...

<http://bllate.org/book/15357/1428770>